

КАПИТАНЫ
РУССКОЙ
ФАНТАСТИКИ

СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ

ЗАКЛЯТИЕ

ИСТОРИИ О МАГАХ

НОВОЕ, НЕИЗДАННОЕ И ИЗБРАННОЕ

Святослав Владимирович Логинов

Заклятие. Истории о магах

Серия «Капитаны русской фантастики»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70312714

ISBN 978-5-222-42053-9

Аннотация

Привычный мир исчезает с приходом тьмы – и горе тому, кто окажется за стенами дома в ночь, когда восходит багровая звезда...

Небывалое зло надвигается на княжество, и остановить его можно, лишь принеся страшную жертву – сердца пятерых героев...

По дорогам неведомого мира бродят маги, даруя всем встречным выбор: благословение или страшное проклятие...

Ночами из-под кроватей выползают чудовища, пожирая детей и занимая их место...

В новый авторский сборник «Заклятие» признанного классика отечественной фантастики Святослава Логинова вошли преимущественно рассказы и повести, ранее не издававшиеся, а также несколько «редкостей» разных лет. Маги, волшебники и колдуны – вот герои сборника, который не оставит равнодушным ни одного поклонника жанра фэнтези.

Содержание

От автора	6
Заклятие	9
Напасть	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Святослав Логинов
Заклятие. Истории о
магах: рассказы и повести

От автора

В сборник, посвященный магам, включены рассказы и короткие повести, написанные в жанре фэнтези.

Прежде всего, что такое «фэнтези»? Определений много, и все никуда не годятся.

а) Фэнтези – это то, чего не бывает. В таком случае к фэнтези относится вся литература – возможно, за исключением узенькой полоски документальной прозы.

б) Фэнтези – это когда про драконов (колдунов, зомби и т. д.). Подобные определения даже не хочется рассматривать.

И все же есть достаточно точное определение. Фэнтези – это жанр фантастической литературы, действие которой происходит в мире объективного идеализма.

Если кто-то не знает, что такое объективный идеализм, то я в этом не виноват.

Возникает вопрос: чего ради пишется фэнтези? Ответ прост: фэнтези пишется для того, чтобы читатель удивлялся. Если фэнтези не вызывает удивления, то оно просто не нужно. Но дело в том, что бесконечно удивляться невозможно. Нужно быть полным идиотом, чтобы удивляться на протяжении четырехсот страниц. Следовательно, фэнтези должно быть рассказом, миниатюрой, в крайнем случае – короткой повестью. Романом и тем более циклом романов фэнтези

быть не может. Конечно, есть немало так называемых писателей, которые размазывают фэнтези-рассказ до многотомного романа. В таком случае из фэнтези и размазни получается нечто под названием «фэнтезня». На книжных лотках этой «фэнтезни» горы. Но у меня ее нет и, надеюсь, не будет.

Иной раз можно встретить исторический, приключенческий или реалистический роман с элементами фэнтези в тексте. Порой это бывают хорошие книги, но не надо путать их с чистым фэнтези.

В данный сборник входят рассказы и короткие повести, в которых действуют волшебники. Никакой особой причины для этого нет. Просто-напросто недавно у меня произошел разговор с неким товарищем, который объявил, что он написал роман о колдуне и полностью закрыл тему. Я не стал спорить, хотя у меня написано несколько десятков рассказов о колдунах, и тема не закрыта. Возможно, в ближайшее время будет еще сборник о колдунах, а может, и не один.

Но что следует иметь в виду, когда пишешь о волшебниках. Прежде всего, маг ограничен в своих возможностях. Существуют запреты, которые ни один маг нарушить не может, иначе это были бы не колдуны, а боги. Разумеется, ни один маг не будет служить при дворе. Придворный маг – всегда мошенник. Настоящему колдуну от коронованной особы ничего не нужно, у него есть свое. Ни один маг не станет делиться своими умениями с конкурентом, поэтому учеников волшебника не существует и тем более не бывает волшебных

академий и прочей ерунды. А в «фэнтезне» все это присутствует в большом количестве. Маг может завести слугу, но не ученика.

Во многих рассказах, представленных в сборнике, постулируются дополнительные запреты на колдовство. Перечислять их здесь я не буду, всякий прочитавший книгу с легкостью их обнаружит.

А в остальном – приятного чтения.

Заклятие

– Кого там черти несут?

– Пустите переночевать!

– Проваливай! На постоялый двор иди. Там пустят.

– Где тот постоялый?

– В Медвежево, где еще... А у нас нет.

– До Медвежева десять верст. А уже темно и дождище ледяной. В такую погоду добрый хозяин собаку на улицу не выгонит.

– Вот сказанул! – хохотнули за дверью. – Я тебя не гоню, я тебя не пускаю.

Очень не хотелось упрашивать того, кто прятался за толстой, железными полосами прошитой дверью, но дождь и впрямь грозил перейти в мокрый снег, а в доме, всяко дело, было тепло.

– У меня деньги есть. Я заплачу.

За дверью хмыкнули, потом глухо стукнула деревянная задвижка. Мужик с горящей лампадкой в руках в упор рассматривал Возаха, видимо оценивая его платежеспособность.

– Шесть грошей, – произнес он наконец.

Шесть грошей за ночлег – безбожно дорого, но выбирать было не из чего, и Возах согласился.

В доме царил полумрак, единственная лампада не могла

рассеять темноту, а другого света хозяева не жгли. От печки шло блаженное тепло и запах пшенной каши. Возах не выдержал и громко сглотнул.

– Хлеб да соль ешь свой, – быстро отозвался хозяин, – а у нас на гостей не наготовлено. Если хочешь, накормим за отдельную плату.

– На постоялом, – не выдержал Возах, – за шесть грошей и ужином накормили бы, и еще пива бы налили.

– Иди на постоялый, – согласился хозяин. – Я тебя не неволю.

Сидеть голодным и смотреть, как другие вечерают, – занятие не из веселых, но и тому, кто ужинает под голодными взглядами, тоже кусок не сразу в горло ползет. Хозяину, разумеется, перечить никто не пытался. Хозяйка вытащила из печи большой горшок, вывалила кашу в деревянную миску, плеснула сверху конопляного масла. Домочадцы расселись вокруг стола. Во главе поместился хозяин, строго оглядел семью, многозначительно произнес: «Бог наплат, никто не видал», – и глянул на Возаха так, что всякому становилось ясно: пущенный в дом бродяга и есть тот самый никто, лишенный не то что права голоса, но и права взгляда. Затем он разрешающе стукнул ложкой по краю миски и первым зачерпнул кашу с самого верха, куда было налито масло.

Все дружно заработали ложками. О Возахе в эту минуту забыли даже те, кому было неловко садиться за стол, не пригласивши путника. Сам Возах от нечего делать разглядывал

приютившую его семью.

Стариков в доме не было, так что хозяин царил полноправным большаком. Супруга его, худая, изработавшаяся до черноты, была схожа с кобылой: не загнанной, а попросту замученной недобрым владельцем. Существо ничтожное и безмолвное. Четверо детей: девчонка и трое парнишек. Девке уж невеститься пора, а она все в чернавках у доброго отца. Мальчишки тоже на подростке. Наверное, и еще были детишки, да добрый господь прибрал, не допустил такой-то жизни. А больше потомства не будет: хозяйка и не стара, но утроба, надорванная неподъемной работой, никого выносить не сможет.

Едоки быстро гребут ложками. Только зазевайся – враз голодным останешься. Миска велика, так и семья не маленькая. Под конец хозяйка вынесла из-за печки, из кухонного угла начищенный ведерный самовар. Вещь дорогая, у лапотников увидишь редко, чаще у купцов, мещан, дворянства средней руки. На постоялом дворе тоже есть, вдвое побольше здешнего. В деревне по пальцам можно пересчитать избы, где в трубе сделана круглая печура, куда можно подсединить самоварную трубу, чтобы кипятить чай прямо в избе, невзирая на дождь и холод. Самовар покупается один на всю жизнь, посему прижимистому владельцу можно и мощной тряхнуть. А вот заварничек, исходящий паром на самоварной конфорке, чая в себе не содержал. На таких вещах, что выпьешь – и нет их, следует скопидомничать. Неда-

ром, нанимая работника, богатый мужик особо оговаривает: «Чай, сахар – свой». Судя по запаху, вместо чая в заварник положили смородинный лист и душицу. Такой чай денег не стоит; послал летом детишек – они наберут сколько нужно. И сахара домашним не выдано ни кусочка. Богато живут, но прижимисто.

Из печи хозяйка вытащила еще один кашничек, совсем уже маленький. В кашничке оказалась брусника, паренная с морковкой, чтобы слаще было. Вот и не надо никакого сахара. Каждому дала помалу на ложке: хочешь – разом сглотни, хочешь – по капельке смакуй с чаем. Что осталось в горшке, поставила перед хозяином, этот ест сколько захочется.

Налила пустого кипятку и Возаху.

– На вот, пополощи кишочки.

– Спасибо на угощении.

Хозяин зыркнул недобро, но ничего не сказал. Воды человеку не дать – это уже грех.

Когда я ем, я глух и нем, а за чаем, хоть бы и травяным, можно и поговорить.

– Этот дядька – колдун? – спросил младший парнишка, кивнув на сидящего Возаха.

– Нищеврод это и бездельник, – недовольно ответил отец. – С чего ты придумал колдуна?

– Бабка Граня рассказывала, что ходят по деревням колдуны, просят в дома на ночлег, а как их пустят, то у них потом власть над этими людьми есть: могут проклясть, а мо-

гут и чего доброго сделать.

– Ты больше дуру слушай, так и сам дураком станешь. Колдуны – они не такие. Вот я на ярманке видал колдуна, так тот был настоящий. Кафтан парчовый, весь в золоте, шапка высокая, глазищи страшные, черные. А как огнем дыхнул, то и меня ужасом проняло. Вот оно как... Только я ему все равно медной полушки не дал.

– А как бы он тебя колдовским огнем сжег?

– Не посмеет. На ярманке народу тьма... и начальство.

– Я бы ему дал копеечку. Чего жадиться-то?

Бац! Деревянная ложка звонко впечаталась в мальчишеский лоб.

– Ты слова-то выбирай, когда с отцом говоришь! Я те дам – жадиться! У меня копейка трудовая, мозолистая, а у него – бездельная. Знай погуливай себе да поколдовывай... Вот пусть денег наколдует три рубля и живет в свое удовольствие.

«Воспитание, – подумал Возах, грея ладони о кружку с кипятком. – И ничего против не скажешь».

Спать Возаха уложили на лавку у самых дверей. От двери дуло, собственный армяк, которым приходилось укрываться, еще не просох, – ну, да это дело привычное. На живом заживет, на теплом просохнет.

Хозяин с женой улеглись в горнице, сдвинув вместе три лавки; сыновья устроились на полатах, дочка – на печи. Ей было теплее всех.

Ночью Возах проснулся, поднялся с лавки, толкнулся в сени.

Хозяин немедля заворочался и спросил голосом ничуть не сонным:

– Куда намылился?

– До ветру.

– Смотри, дверь прикрывай плотнее, а то в избу ветра напустишь.

На улице к полуночи разъяснилось, ветер стих, и небо вызвездилось к морозу. Звездный охотник, появляющийся лишь к началу осенней травли, сейчас раскинулся на полнеба, и Плеяды искристо мерцали рядом с ним.

Возах быстро сплел магическую нить и набросил ее на Гребень. Иные из колдунов называют эти звезды по-иноземному: Волосы Вероники. Волосы или гребень, которым Вероника расчесывалась, – большой разницы нет. Главное, уметь использовать силу звезд. Чародей, накопивший силы во время путешествий по человеческим землям, может обойтись и без звездной помощи, а не вошедшему в полную силу без того нельзя. Зато теперь завтрашнее колдовство обретет несокрушимость и послужит умножению силы. А парчовый халат и пузырек с горючкой оставим базарным фиглярам.

Возах вернулся в дом и улегся досыпать.

Поднялись до света. Осенний день короток, а работа никуда не делась и быстрее не делается.

Возах, не дожидаясь, пока приветливый хозяин выпрет его на улицу, надел так и не просохший до конца армяк, поблагодарил за ночлег и ушел. Уже в сенях хозяйская дочь, набиравшая из кадушки крошево для серых щей, торопливо сунула ему ржаной сухарь:

– На вот, погрызешь по дороге.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Возах.

За деревней тянулся пустой по осеннему времени выгон, затем поля и выкошенный луг. Там на горюшке под облетевшим деревом Возах и устроился, чтобы решить, как поступать дальше.

Деревня отсюда была видна вся как есть. Большие, но приземистые дома, крытые соломой дворы, баньки в низине у ручья. Богато селяне живут, но не стройно. Вот сейчас посмотрим, отчего так...

Возах осторожно потянул нить, заброшенную на небесный Гребень. День солнечный, звезд на небе не видать, но они никуда не делись, и заброшенная нить позволяет не только вершить ночное колдовство среди дня, но и разглядеть, кто и как колдовал прежде тебя.

Не соврала бабка Граня: ходят по миру волшебники, стучатся в избы, просят на ночлег. И неважно, отворят им двери или нет, на следующий день за околицей кудесники начинают свою волшбу, призывая на человеческое жилище проклятье или благословение. От такой волшбы сила колдуна растет, и когда достигнет великой мощи, колдун может уй-

ти в Тридевятое царство, где живут ему подобные. Название взято из сказок, на самом деле никакого царя там нет и никто эти земли не пересчитывал, выстраивая по ранжиру. Но говорится «царство», и не какое-то, а именно «тридевятое». И попасть туда можно, только пройдя земным путем. Так что здесь, среди невеликих людей, для волшебника школа и великий искус. Проклятия и накладывать проще, и сила от них растет быстрее, чем от добрых пожеланий. Но получается та сила нечистой и кривоватой, отчего колдуну, заслужившему прозвище черного мага, в Тридевятом царстве приходится изрядно постараться, чтобы стать вровень со светлыми. Путь благословений прямее, но и тернистей. Изрядно постараться приходится здесь, в землях людей. Но главное, что не сам волшебник выбирает, какое заклятие наложить ему на деревню. Выбирают мужики: как приняли калику, что сказали при расставании. Иной раз и хотелось бы отблагодарить, а не за что.

Конечно, можно уйти, не оставив никакого заклятия, пусть их живут как знают. Но и тут не все гладко. Прежде всего, от неупотребления меркнет колдовская сила. Один раз уйдешь, второй – а на третий уже и хотел бы слепить закливание, а не получается: ослаб. Опять же, время тоже на месте не стоит. Это в Тридевятом царстве колдун не стареет, а пока он живет среди простых людей, так даже очень.

Выяснилось, что и до Возаха бывали здесь прохожие маги. Вот шуганули одного, не отворив дверей, а на следующее

лето напал на яблонные сады шелкопряд и все яблони как есть уничтожил. Вот другой волшебник приходил, но денег у него при себе не оказалось, и добрые люди прогнали его среди зимы в ночь. Что было делать чародею? Это только попы врут – благословляйте, мол, тех, кто гонит вас. Человек так не может, каким бы магом он ни был. Уже на следующий день настигло деревню проклятие. У самых осеков, на общественной земле нашли мертвое тело. Получалось, что путник, напрасно просившийся в дома, был заеден волками, а может быть, сперва замерз, а волки рвали неживое тело. Понаехало начальство – что те волки, вынимали душу из бездушных крестьян. Мало никому не показалось.

Возах видел, что прохожий маг ушел из этих мест целехонек, а уж что он следователям подсунул – неведомо. Возах такими приемами не владел.

Казалось бы, после таких бед деревня должна задуматься, однако урок пропал втуне, и в скором времени от окон прогнали еще одного калику. Этого Возах знал, да и все странствующие маги его знали, называя Старикачеком. Старикачек давно мог уйти в Тридевятое царство, но продолжал ходить по деревням и никогда никого не проклинал. Не проклял он и на этот раз. Вышел за деревню, оглянулся, махнул рукой, горестно молвил: «Эх!..» – и убрел, не вымолвив больше ни слова.

А теперь выбор за Возахом. Он не Старикачек, но время коснулось и его. К тому же немало силы потрачено на маги-

ческую нить. Денег, которые открывают самые негостеприимные двери, не осталось ни полушки, а всего пропитания – втихаря сунутая горбушка. Ограбил его неприветливый хозяин, как есть ограбил. И нет возможности уйти, не наложив заклятья.

Возах сидел, выставив руки. На одной ладони лежала тронутая плесенью горбушка, на другой – веская пустота. Сидел, словно гадал, что перевесит. А чего гадать? Маг не сам решает, благословение или проклятье родится в результате его волшбы. Это еще вчера решил тот, кто так неуютно приютил его. Маг может лишь слегка подправить, что ему продиктовано, усилить или ослабить нарождающееся проклятие. Горбушка не перевешивает общего бездушия. И даже мальчишеская фраза «Я бы дал копеечку» не перевешивает. Вырастет парнишка, забудет прежние слова.

Возах выдохнул и на остатках воздуха прогудел первые слова проклятия.

Слова рождались одно за другим, и солнце, вздумавшее осветить равнину недолгим осенним утром, померкло в небесах.

Страшным обещало быть проклятие, не оставляющее никаких надежд на послабление. Хуже недорода и пожара, ужасней, чем падеж в стадах. Разве что моровая язва еще хуже, но это уже за пределами сил странствующего мага, не набравшего подлинной мощи. Заклятие калики должно касаться одной деревни, а мор – беда всего народа.

Возахское проклятие должно обрушиться на детей, а это, почитай, хуже моровой язвы.

Пусть дети, живущие под этими крышами, будут живы и здоровы, красивы и работящи, но каждый день и всякую минуту родители их будут плакать и в отчаянии скрежетать зубами, видя, что детки уродились не такими, как хотелось бы отцам. И как их ни воспитывай, сколь ни вбивай правила скаредной жизни – трудовая копейка будет натирать мозоли на руках, а не на душе. Им будут светить в жизни иные радости, а не стертый пятак. Родители останутся прежними, и ничего, кроме мук, не принесут им подростские дети.

Проклятие темным облаком окутало деревню, но почему-то серые избы стали выглядеть наряднее. Бывает же такое...

Возах поднялся, вдохнул наконец полную грудь осеннего воздуха и пошел прочь, похрустывая на ходу ржаной горбушкой.

Напасть

Что в дом явились чужаки, Марцун знал заранее. Потому и ушел подальше, чтобы незваные гости могли расположиться в доме со всевозможным удобством и понять, что их не поджидает в этих стенах никакая ловушка. А то сначала посадят на рогатину или пробьют стрелой – и только потом будут разбираться, кого угораздило встретить в чашобе.

Затихариться где-нибудь поблизости и как следует разглядеть пришлецов тоже не годилось. Почти наверняка в отряде есть кто-то умеющий слушать лес, и он легко обнаружит Марцуна и исполнится подозрений. Подозрение в глухой чашобе хуже рогатины. А так... ушел человек на охоту – и ушел. Дело обычное, в лесу жить и на охоту не ходить – у нормальных людей так не бывает. У недолюдков – тоже. На охоту не ходят одни отшельники, но это как раз и есть самый подозрительный народ.

Пришельцы не считали нужным особо скрываться. Отряд большой, человек пятнадцать, такие незаметно пройти не могут. Но это и не войско, чтобы ломить силой, не обращающая внимания на лесных насельников и пограбдивая все, что приглянется алчному взгляду. Эти идут как бы миром. Ну, и мы к ним тоже.

В дом чужаки вошли, запалили очаг. Худа в том нет, пусть греются. Вся громада в домишко не вобьется, поэтому перед

входом разожжен костер, возле которого будут ночевать те, кому в доме места не хватило. Или же на улице будут готовить ужин, а очаг в доме потушат и улягутся вповалку. Все настолько обыденно и правильно, что поневоле хочется взять ноги в руки и бежать от мирных путников подальше. Но если пришли те, кто ловит таких, как ты, – это значит выдать себя и навлечь беду на всю чащу.

Лишь в одном пришлые просчитались: выставили часовых и так их припрятали, что не всякий разберет. Вот и мы сделаем вид, будто ничего не заметили.

Марцун двигался бесшумной охотничьей походкой, отчаянно надеясь, что засевший в секрете часовой не станет сразу бить насмерть. Уклониться можно и от смертельного удара, но это значит вчистую выдать себя и округу, которая надеется на твою защиту.

Шумнуть, что ли? А то просквозишь мимо секрета незамеченным, тоже ничего хорошего не выйдет.

Вопрос изныл сам собой, как изнывает большинство важных вопросов.

– Ну-ка постой, – слышался сипловатый голос чуть в стороне от тропы.

– Стою, – отозвался Марцун.

От дерева отделилась призрачная фигура, и оказалось, что это коренастый мужик с рогатиной в руках. Лук, который часовой должен держать наготове, был небрежно закинут за спину, но саадак открыт, и нет ни малейшего со-

мнения: вздумай задержанный бежать, стрела догонит его на втором шаге. Рогатина, похожая на огромный ухват со стальным штырем посередине, мирно опущена к ноге, но Марцун чувствовал, как мгновенно она может быть вскинута на встречу тому, кто вздумает напасть. Рогатина хороша для охоты и оборонного боя. В руках у княжьего дружинника ее встретишь редко. Да и сам часовой не похож на дружинника, скорей уж безуказный охотник. Или леснак?.. Тогда совсем плохо. Хотя леснаки в здешней чаще не живут, им по нраву чистые сосновые боры.

– И куда ж ты идешь, добрый человек?

– Домой. Вона, ваши подле моего дома обустроиваются, отседова слышно.

Если часовой и впрямь леснак, ему лучше не врать. Раскусит с полуслова и вранья не простит.

– И куда ходил?

– На охоту.

– Разве отшельники на охоту ходят?

– Чур меня, какой же я отшельник? Отшельники живут черт знает где, молятся черт знает кому и с живыми людьми никаких дел не имеют, а я чуть не каждый месяц в ближнем селе бываю: что продать, что купить и новости узнать.

– И что ж ты, охотник, в лесу добыл?

– Сам не видишь? – Марцун встряхнул висящего на ремешке глухаря.

– Могучая птица. С полпуда будет.

– Ну, ты сказал!.. Таких и не бывает. Но и этот хорош. Только как, мне домой-то можно?

– Можно, – легко согласился часовой. – Пошли, провожу.

Походка у провожатого тоже была легкая, охотничья. Оно и понятно: кого попало сюда не пошлют. Неумеха здесь сгинет – и сам не поймет как. Так что лучше на всякий случай считать встречного леснаком, а гостей – безуказной бандой, где всякого народа встретить можно.

– Жарить глухаря будешь? – спросил леснак.

Это он совсем за глупого считает. По лесначьему закону добычей надо делиться. Конечно, Марцун не леснак, он как бы просто человек, но если оставит глухаря себе одному, вооруженный леснак будет смотреть на него как на дрянь незаконную, а это всегда опасно.

– Не... – протянул Марцун. – Всю ораву одним жареным глухарем не накормишь. Для этого косулю надо или оленуху. Но их так просто не возьмешь. К тому же я не знал, что путники прибудут. Станете завтра с утра кашу варить, так глухаря я порублю на малые куски и в котел добавлю. Всем достанется, без обиды.

– Боровую птицу варить – хвоей пахнуть будет.

– У меня не запахнет. И мягко получится, куда против жареного.

– Тогда вари, а я поучусь. А то тебе косулю так просто не взять, а глухаря – как нечего делать. Глухарь птица строжкая, его куда посложней добыть, чем косулю.

– Я его влет сбил, – похвалился Марцун, хлопнув по надежно затворенному саадаку.

Леснак уважительно покачал головой.

Так под разговоры они дошли до Марцуновой сторожки.

– Давай сначала старшему покажись, – велел конвоир.

– Сначала с глухарем разобраться, – возразил Марцун. – Старший и подождать может, а дичь, коли застынет, пойдет только в жарку.

– Старший ждать не любит.

– Ничего, подождет. Хозяин здесь я, а он, ежели ему невтерпеж, может и сам подойти. Не переломится.

В иных местах за такое хамство можно остаться без ноздрей, но тут у нас не там, и Марцун решил рискнуть. Для леснака охотничья добыча важнее вежливости, но, с другой стороны, леснаком быть опасно: если его ловят государевы люди, он может лишиться не ноздрей, а головы.

– Что-то ты, парень, много себе позволяешь, – произнес конвоир, поигрывая рогатиной. – Ну-ка глянь мне в глаза.

– Взаимно, – потребовал Марцун, откинув со лба волосы.

В таких случаях отказываться нельзя. Для зверя прямой взгляд означает вызов, в глаза смотрят тому, на кого собираются напасть, и потому в дебрях никто в глаза не смотрит. Но зато и спрятать взгляд, если этого требуют, ни в коем разе не можно. Конвоир поднял упрямо наклоненную голову и тоже откинул волосы, спадавшие на лоб. На Марцуна уставились рысьи ярко-желтые глаза с вертикальным зрачком. Та-

кие очи увидишь только у леснаков, но еще никто не слыхивал, чтобы леснак шел на службу к людям. Значит, к заимке вышли не князьи посланники, а вольная ватага или вообще неясно кто. Вот только банде, промышляющей разбоем, в глубине чащобы делать нечего. Некого тут грабить, по большому счету.

У самого Марцуна глаза были человеческие, серые, какие чуть не у любого народа встречаются.

– Что скажешь, леснак? – спросил Марцун.

– Тогда еще интереснее. Где обычаев поднабрался?

– Тридцать лет в чащобе. Довольно времени, чтобы поднабраться. Вот ты почему на службу пошел? Не водится такого среди ваших.

– Я не на службе, – отрезал леснак, – я сам по себе.

Марцун скинул на землю глухаря, вытащил нож. При виде оружия ничто во внешности леснака не дрогнуло. Марцун быстро распотрошил птицу, содрал кожу вместе с перьями, головой и лапками. Леснак молча наблюдал за работой. Желтые глаза вновь были скрыты; если не знать, то и не отличишь от обычного человека, кудлатого мужика из окрестных деревень.

Выпотрошенную тушку Марцун уложил в деревянный ушат, туда же бросил сердце, печень и вычищенный желудок, залил все ледяной водой, принесенной с родника.

– Кровь стечет в воду, и завтра можно будет хоть варить, хоть что хочешь делать. Запаха не останется, а мясо полу-

чится нежным, что у каплуна.

Леснак молчал, лишь ноздри раздувались. Каплуна ему явно пробовать не доводилось. Сами леснаки запекают птицу на костре, обмазав поверх перьев глиной, так что увиденное и впрямь было для него внове.

Из дома вышли двое. Один – худой, темнолицый, коротко стриженный, так что видны глаза, горящие черным фанатичным огнем. С плеч едва не до земли стекает серая сутана. В таких равно ходят монахи и отшельники. Нет в мире более схожих людей, и нет больших врагов. Только среди братьев встречается такое. Обычно святые отцы, что те что другие, ходят босиком: отшельник, как говорят, от кельи далеко не отходит, а монах и вовсе без крайней нужды из обители не показывается, но у этого на ногах красовались солдатские сандалии – калиги. Оно и понятно: без обуви в чащобе мигом обезножешь. В здешних местах босиком только вухуры разгуливать могут. Но про вухуров недаром говорят, что они вовсе не людского, а медвежьего рода существа.

Зато второй из вышедших бросался в глаза редкостной внешностью. Высоченный, возвышающийся над немаленьким Марцуном на две головы и соразмерно широкоплечий, с дикой бородой и буйной шевелюрой. Одежда плотно закрывала его тело, но можно было не сомневаться, что и весь он волосат, а вернее шерстист наподобие зверя. Черты лица не рассмотреть толком, лишь пронзительно голубые глаза, которые великан не считал нужным прятать, пристально бура-

вили Марцуна. Сказать кому из хуторян, что именно такой и есть вухур, – поверит немедленно. Но Марцуна вокруг пальца не обведешь, он видел, что перед ним не лесной житель, а неведомый обитатель дальних стран, где серьезного леса не сыщешь. Иное дело – какими путями занесло его в разношерстный отряд.

– Что-то ты не торопишься с гостями здороваться, – сиплым голосом произнес волосатый.

– Сперва с добычей разобраться, – пояснил за Марцуна леснак.

– Через минуту дело кончу и приду к вашему командиру.

– Я и есть командир.

Ага, как же, кого обдурить хочет... Но раз назвался главным и истинный командир молчит – сделаем вид, что поверили.

– Приветствую тебя, начальник, – произнес Марцун, продолжая набивать содранную с глухаря кожу мохом, целая куца которого сохла у стены.

– Это что делаешь? – спросил самозванный начальник.

– Подсохнет – чучело смастерю, трактирщику продам, он у себя на каминную полку поставит.

Собеседник кивнул, соглашаясь.

Что ни народ, то свой обычай. Этот, во всяком случае, знает, что такое меновая торговля, а то принялся бы выпрашивать, какие родственные связи у Марцуна с трактирщиком, что он для него чучело принялся мастерить.

Марцун посадил глухаря на жердину, сполоснул руки и лишь после этого поклонился ждущим.

– Меня зовут Марцун, я хозяин этого дома.

Выждав мгновение, чтобы дать пришельцам возможность представиться самим, Марцун спросил:

– Вас мне как называть?

– Ты не сумеешь меня назвать, – невежливо ответил высокий.

– Я постараюсь.

Назвавшийся командиром усмехнулся сквозь бороду и прошипел что-то вроде «Дзз-э». Марцун, который частенько пересмешничал, подзывая птиц, довольно верно повторил шипение.

– Похоже, – произнес Дзз-э, еще раз усмехнувшись. – Можешь звать меня так.

– Я – смиреннейший отец Агор, – представился монах, не ожидая вопроса.

– Я рад. Прошу в дом.

В доме было жарко натоплено. Огонь в очаге пылал, как и в зимние морозы Марцун его не раскочегаривал. Гости хозяйничали вовсю. Помимо троих уже знакомых, в домишко набилось еще десять человек, и не надо быть знатоком, чтобы определить, кто эти люди. Княжки дружинники, привыкшие всюду быть как дома и брать все, что приглянется. В хижине Марцуна приглянуться не могло ничего, разве что съестные припасы можно было стравить на ужин.

Один из дружинников с сомнением разглядывал семена в полотняном мешочке. Попробовал одно семечко на зуб, сплюнул:

– Что за крупа говняная? Можно ли жрать такое?

– Положь на место, – вмешался леснак. – Это не едят.

– Зачем тогда?

– Привада, – сказал Марцун. – Птиц приманивать.

– Тьфу, пропасть! Я же о таком слышал. На этой приваде вино настаивают... от него люди дуреют, как не знаю что, а после и вовсе помереть могут.

Дружинник швырнул мешочек в очаг.

Леснак, мгновенно утратив медлительное безразличие, метнулся и перехватил мешочек в воздухе.

– Тебе было сказано: «Положь на место», – а ты что сделал? Напустил бы ядовитого дыма – все бы сдохли. Если тебе жить надоело, ты скажи, я тебя по дружбе за просто так зарежу.

Солдат осклабился в ответ на шутку, хотя на самом деле никакая это была не шутка. Леснаки такими вещами не шутят.

Марцун снял с полки корзину с сушеными хлебцами, протянул незадачливому кашевару.

– Это кидай в котел. Разварится – получится каша.

Отец Агор наклонился, осторожно понюхал мешочек с привадой.

– Любопытные у тебя снадобья хранятся.

– Я приваду не курю и на сторону не продаю. Для дела нужна. У меня еще и рыба привада есть.

– И куда ты травленную рыбу деваешь? – спросил Дзз-э.

– В садок пускаю. А как оклемается, то ее и в ушицу можно.

– Логично, – произнес непонятное слово монах. – А чем ты вообще здесь питаешься?

– Грибы, ягоды. По времени бортничаю, рыбка опять же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.